

«Об Алтае и Греху, как о несбыточном сне...»

Ольга ТАРЫКОВА.

старший научный сотрудник областного историко-краеведческого музея

Уже более 10 лет областной историко-краеведческий музей ведет поиск материалов от талантливого земляка, писателя русской эмиграции — Георгия Дмитриевича Гребенщикова. Сложно восстановить утраченные звенья в биографии человека, чье имя 80 лет замалчивалось на Родине, а книги, по известным причинам, почти не переиздавались. Сейчас в музее сформирован именной фонд писателя, насчитывающий 348 единиц хранения. Порой кажется, что материалы «сами идут в руки», но, как правило, они влекут за собой массу новых вопросов. К примеру, в каком году родился писатель? В 1882, 1883, 1884? Тайну приоткроют лишь метрики, которые еще не найдены. Интересны подробности проживания Гребенщикова во Франции и Германии. Как, например, «поживает» русская колония в Провансе, начало которой положил наш земляк? «Жив» ли дом в Германии, в Висбадене, который ремонтировал Гребенщиков и с балкона любовался долиной Рейна?

И вот последняя удачная находка: копия, возможно, последнего письма Гребенщикова на родину — жене и сыну Анатوليو от 10/23 марта 1919 года. Оно многое проясняет в малоизученном крымском периоде писателя и сообщает любопытные детали проживания Гребенщикова в Ялте.

Это последнее пристанище писателя в России. В августе 1920 он навсегда покинул Родину. А пока...

Началась Мировая война. Гребенщиков является членом Комитета помощи нуждающимся литераторам и ученым. Выступает на литературных вечерах, публикуется во всевозможных печатных изданиях и ждет, когда закончится смута, чтобы наконец вернуться на родину. Письмо с сохранением орфографии оригинала и небольшими сокращениями публикуется впервые.

«Мои родные, мои милые!

Кажется на этот раз есть надежда, что письмо это попадет Вам в руки и потому с душевным трепетом пишу его, хоть и знаю, что всего не смогу сказать, что чувствую.

А чувствую каждый день и час свою тоску о Вас, о родине и обо всем родном.

Это письмо везет наш сибиряк, который поедет кругом через океан до Владивостока и который имеет возможность заплатить 18 тыс. руб. за билет. Да и, кроме этих денежных забот, много причин, которые меня цепко держат здесь, а главная причина — сберечь жизнь для Вас и для того заманчивого будущего, которое рано или поздно дол-

жно наступить.

Не знаю, когда Вы получали мой весточку, но в последний раз я отправил Вам записку с дороги из Харькова в Севастополь с военнопленным Василием Епифановичем Тетериним из с. Федоровки Подсосновской волости Барнаульского уезда, и ты немедленно напиши его родным и спроси прибыл ли он домой, т.е. если не прибыл, то где-либо еще с боем пробивается и родные его должны ждать его...

Здесь же теперь в Севастополе живет и Вас. Мих. Вершинин. Он тоже должен был мотаться здесь без дела и без средств, но потом устроился и даже не взял у меня денег, которые я ему предлагал. Мы часто с ним видимся... Я кончил ликвидацию своих дел в Киеве 1-го июля н.с. и бежал в Крым от самостийников-украинцев, т.е. был связан с Сибирскими санитарными организациями, которые они хотели захватить...

Вероятнее всего, что в апреле или мае Ольбрус (пробудившийся вулкан на Кавказе) не сделает там большой катастрофы, направлюсь на Баку и Туркестан и там хоть пешком пойду домой на Семипалатинск.

Живу я не плохо, даже напротив — очень хорошо, потому что с 7 июня с головой ушел в литературу и не было приличного печатного издания на весь юг, чтобы я не печатался... Для тебя и Толи берегу здесь немного сукна, но не надеюсь довести их и на всякий случай предупреждаю тебя, что на твоё имя и на имя Толи будут здесь в Ялтинском казначействе положены по 3-5 тыс. Это я сделаю на тот случай, что если по дороге к дому погибну, то чтобы у Вас хоть что-либо осталось. Кроме того, в Питере на книжке № 791324 в 13 отделении сбережат, клянусь что на большом проспекте, близ каменостроительского лежат свыше 2000 руб. И возможно, что для того чтобы по дороге не потерять свои деньги или не отдать грабителям я здесь приобрету клочок земли, об этом на всякий случай, если я погибну, справься потом по адресу: Ялта, Дарсановская ул. д. № 14 — доктору и писателю Якову Елпатьевскому, или его семье. У них будут оставлены все нити обо мне и документы. Словом я приму все меры по обеспечению вас средствами... Главное позаботьтесь потом о сохранении моих печатных и рукописных литературных работ, которые будут находиться в Питере у Шишкова-всех здесь у Елпатьевских и в Сибири. Приняли ли ты меры к сохранению моих записок, отписок, рецензий обо мне, и проч. и проч.?

О Сибири и об Алтае я грежу, как о несбыточном сне, часто вижу во сне Толю и отца, чаще всего отца, а тебя очень редко.

Рукопись «Чураевы» все еще не изданная находится в Питере у Ксении Мих. Жихаревой, у Горького, у меня и один экземп-

ляр где-либо остался в надежде, рухнул еще. «Чураевы» это главная литературная ценность, дороже денег ее надо хранить до первой возможности издать. Впрочем все это завещание я пишу на всякий случай и думаю, что не погибну, хоть и примирился с мыслью о смерти. Если не умру — знай же, что самая глубокая тоска мне будет о доме, что не удастся до смерти увидеться с Вами. Но я надеюсь, что увижусь и бодро смотрю в будущее.

В смысле политическом я по-прежнему вне всяких партий и смотрю на себя как на живого свидетеля великих потрясений и мечтаю все потом вложить в литературу, художественные работы, потому не могу, не должен быть партийным, узким человеком, но обязан объективно и честно наблюдать и отражать.

Здоровье мое за последнее время очень поправилось. Я обтираюсь ежедневно соленой морской водой, ем хорошо, чувствую себя бодро и даже молодод... Живу на высокой горе в 2 вер. от Ялты, часто хожу в город, где часто выступаю на разных вечерах и вечеринках с чтением. Так что Вы и не думайте, что я очень страдаю от каких-либо лишений. Если они и будут, я встречу их очень охотно и упрямо справлюсь с ними.

О вас не знаю ничего с января прошлого года, но Шишков в мае писал мне в Киев, что Вы собираетесь в Колышани, значит живы и здоровы!

Боже упаси вас продавать дом в Колышани!

Посылаю тебе Севастопольскую газетку с моей статьей и из этой газетки ознакомь кого либо из товарищей для вашей газеты. Для него это будет клад. Посылаю еще и вырезку из Ялтинской газеты «Наша газета».

Главное мое горе о том, что я не знаю ничего о вас. Ни смерть, никакие лишения не страшат меня. Страшит судьба ваша и совесть очень грызет меня за то, что я не попал в прошлом году в Сибирь, хотя м.б. это было бы хуже.

Я болею душой о том, как вы бьетесь от нужды и мечтаю о том, когда я за все, за все вас награжу. Мой милый Толик! Какой он наверное большой теперь и говорит наверное басом. Только бы сберег Вас Бог до нашего свидания.

Не говорю обычных слов приречений, но молю Бога о том, чтобы письмо это дошло до Вас.

Ну, всего не перепису. Низко земно кланяюсь тебе и всей Сибири и обнимаю моего Толика-ныне и присно и всей душой. Ваш Г. Гребенщиков.

Отдел рукописей ГПБ (Государственной публичной библиотеки), г. Санкт-Петербург. Фонд 431, № 444, листы 1-2. Фрагмент письма цитировался Н. Н. Яновским в журнале «Сибирские огни» № 12, 1984 г.